

УДК 398.331

DOI: 10.17223/19986645/54/4

Т.А. Золотова, В.А. Поздеев

ПРЕДМЕТНЫЕ РЕАЛИИ КАК ЖАНРОВЫЕ МАРКЕРЫ ПОВОЛЖСКИХ ОБРЯДОВЫХ ТЕКСТОВ («САМОЛЕНА / ПОЗЛАЩЕНА БОРОДА» И «СВИНЫЕ НОЖКИ»)¹

Рассматривается одна из составляющих понятия «концепт текста» – этническая компонента. Анализ текстов обрядовых песен русских и финно-угров Поволжья свидетельствует о регулярном появлении в ряду атрибутивных признаков коляды ее бороды (золотой / позлащенной / шелковой / самоленой). В текстах таусеневых песен обязательны упоминания об обрядовых угощениях в виде свиных ножек. Из двух групп русских текстов – колядных (с мотивом бороды) и таусеневых (с мотивом свиных ножек) особенно популярными в Поволжье являются последние. В результате авторы приходят к выводу, что обрядовые феномены (позлащена / самолена борода и свиные ножки) маркируют для носителей традиций принадлежность текстов к одному из типов обходов домов – рождественских или новогодних.

Ключевые слова: Поволжье, концепт текста, обрядовые песни, предметные реалии, дифференциация.

Исследования локальных традиций не утратили актуальности в настоящее время. Это связано с тем, что они раскрывают механизмы функционирования, инерционные и новационные процессы в этнокультурных традициях у разных этносов. Фольклорный текст во многом обусловлен внелингвистической реальностью, которая является толчком для его порождения. В основании первоначального фольклорного текста лежит «концепт текста», или рефлексивное ментальное образование, возникающее под воздействием экстралингвистической действительности, ситуации, которая в конечном счете определяет функциональные, структурные и семантические особенности текста [1. С. 57]. В сложном по своей природе понятии «концепт текста» важную роль играют и этнические маркеры: языковые, диалектные, фольклорно-этнографические компоненты традиции. Такие элементы действительности способствуют появлению коммуникативной единицы (текста), которая также репрезентирует принадлежность к тому или иному этносу.

В настоящей статье осуществляется попытка показать, как этнические / предметные реалии становятся дифференцирующими показателями традиционных обрядовых текстов.

Поволжские (финно-угорские и русские) обрядовые тексты являют собой целый мир, чрезвычайно динамичный, исполненный разнообразных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00137.

звуков, неожиданных и ярких обрядовых символов. Среди составляющих этого мира особое место занимают реалии, имеющие традиционно устойчивый статус, – **золотая борода и свиные ножки**.

«Золотая (позлащенная)» / «смоляная (самоленая)» борода – это особым образом приготовленная и украшенная свиная голова; главное блюдо **рождественского** стола у мордвы: сваренную отдельно свиную голову украшают: в рот кладут крашеное яйцо и распаренный березовый прутик с листьями, а под голову – в виде бороды пучок ниток, окрашенных в красный цвет [2. С. 92]. Попытка систематизации воззрений, связанных с использованием ниток в обрядовых практиках финно-угров, осуществлена Н.С. Поповым [3. С. 164]. С их помощью умерший мог, например, обустроить проход над котлом с кипящей смолой (смоляная / самолена борода). Что касается цвета ниток, обычно красного, иногда черного, то он, по мнению ученого, обусловлен символикой солнца – утреннее (красное) и вечернее (черное). Однако более убедительной в данном случае представляется точка зрения Б.А. Успенского, показавшего связи желтого / красного в первую очередь с потусторонним миром [4. С. 60–61].

«Свиные ножки» – основная ритуальная еда Нового года. Обобщая материал по Поволжью, А.Н. Розов отмечал, что в отдельных местах данного региона за «овсеньяканье» одаривали круглыми пресными лепешками в виде птиц [5. С. 33]. В Саратовской области такие лепешки назывались «калядашки» [6. С. 36]; в Нижегородской – «кокурки», «клюжечки-кочерюжечки» [7. С. 66]. Без уточнения формы изделия известны в данной области и «козульки», «коньки», «каракульки», «свинки», «коровки», «усеньки» «таусеньки» (в виде кренделей, булочек-витушек) [8. С. 66; 9. С. 148]. Т.М. Аниничева также называет «таусеньки», но иного способа изготовления (в виде баранок), добавляет к ним кусочки курника [10. С. 27]. В Ульяновской области популярны «кокурки» (сушки) и «таусеньки» (орешки из теста). Однако и К.Е. Корепова, и Т.М. Аниничева наряду с изделиями из теста в качестве обрядового угощения уже обязательно называют святочных поросят, кишки (домашняя колбаса из свинины), свиные ножки [8. С. 66; 10. С. 27]. В Татарстане (Тетюшский район) участниками фольклорных экспедиций Московского университета отмечено бытование «таусей» – треугольных пирожков, начиненных кишками. По свидетельству П.В. Шахова (1901 г. р., Тетюшский район, Татарстан), «*тауськи*» – *пироги с кишками; у кого есть ноги поросячьи – туда же загнут*» [11¹. Тетрадь 14. С. 30]. Можно предположить, что тексты русских колядных и кёлядных песен мордвы с мотивом золотой бороды и его эквивалентами смоляной, посконной и т.п. являются в данном регионе собственно рождественскими. Главное обрядовое угощение колядовщиков под Новый год – свиные ножки, орешки, их обязательное упоминание в песнях праздника тавунсямо мордвы вплоть до XX в., а у русских – в таусеневых песнях, возможно, также составляет их исконную черту. Другими словами,

¹ На первом месте год записи, далее номер тетради и номер текста.

колядки в Поволжье исполнялись на Рождество и в них обязательным был мотив бороды; таусени – на Новый год, соответственно главный их мотив – свиные ножки.

Подтверждается ли данное положение материалом?

В первую очередь обратим внимание на ряд сюжетов, в которых термины «коляда», «овсень», «таусень» взаимозаменяемы. К ним относятся тексты, объединенные мотивами *поисков Коляды / Овсеня / Таусеня* (*Мы ходили, / Мы искали, / По проулочкам, / Закоулочкам*) и мощения мостов (*Ехали бояры, / Сосенку сломали, / Мосты настилали*). Первый из них зафиксирован на территории Нижегородской, Ульяновской областей, представлен в нескольких разновидностях и в издании И.И. Земцовского [12]. Формула *поисков двора* в них представляет собой трансформацию широко известного в обрядах обходов славян мотива *прихода издалека*. При этом в поволжских текстах она крайне редко бывает развернутой, выражена традиционными словосочетаниями типа «*мы ходили, мы искали*», «*ходил-походил*» и некоторых других. Искомый двор, как правило, оказывается огороженным железным тыном, в центре его (в нескольких текстах) – «трава шелковая», но чаще – три терема:

*В одном терему –
Светит месяц,
В другом терему –
Ясно солнце,
В третьем терему –
Часты звездочки.*

Большинство вариантов подобной формулой и заканчивается. Лишь в отдельных текстах представлена и вторая часть известного художественного уподобления. Второй сюжет «*мосты мостили...*» зафиксирован на территории Владимирской, Нижегородской, Саратовской и Ульяновской областей. В рамках его закличка праздника (*Бай авсень! Овсей! Таусень! Таузи! Коляда!*) соединяется с формулой описания сосны:

*В бору, в бору
Там стояла сосна,
Всего вышее,
Всего зеленее.*

Далее появляются бояры / ребята / братья / братцы-миряне / сам Овсей и, наконец, колядовщики, действия которых однотипны:

*Сосенку сломали,
Мостик настилали,
Гвоздем прибивали.*

При помощи вопросительной конструкции: «*Кому этот мост-от?*» или «*Кому этот мостом ехати*» вводится основная формула, содержащая сообщение о торжественном въезде «трех святителей» (*Рождества Христова, Крещенья, Василия Кесаринского*), реже – «*Петра, Василия, Овсеня*

и Нового года». Лишь в одном варианте дается сниженный образ Василия, которого «*вожжают гузенной кишкой*» и «*погоняют цуцким поросенком*» [12. С. 74]. Завершаются варианты данной группы обычно благопожеланиями приплода скота и птицы:

*Туши да уши,
Поросят да гусят,
Девяноста утят.*

За исключением этих двух сюжетов имеющиеся в нашем распоряжении тексты в целом свидетельствуют о регулярном появлении в ряду атрибутивных признаков коляды ее бороды: *Коляда, коляда, / Посконна борода, / Самолена борода, / Смолена борода, / Шелкова борода, / Позлащена борода, / Золотая борода* [13¹. Ф. 17, 26. Оп. 4, 5. № 372; Ф. 4. Оп. 4. № 54, 440; 1, 4. № 13; Ф. 6. Оп. 4. № 269; Ф. 23. Оп. 4. № 119]. Такие же атрибутивные признаки представлены в «Традиционных обрядах и обрядовом фольклоре русских Поволжья» [14]. В текстах таусеневых песен обязательны упоминания об обрядовых угощениях в виде свиных ножек:

*Пышки-лепешки,
Свиные ножки
В печи сидели,
На нас летели*

[14. С. 12; 19. С. 32; 20. Ф. 5. Оп. 4. № 281; Ф. 4. Оп. 4. № 448, 474; Ф. 4. Оп. 23. № 132 (б)]. Из двух групп русских текстов – колядных (с мотивом бороды) и таусеневых (с мотивом свиных ножек) особенно популярными в Поволжье являются последние, а среди них – песни-просьбы об угощении. Они одновременно демонстрируют модель текстопорождения, непосредственно связанную с архаической мифологией и ритуально-мифологической практикой [15]. Указанная выше формула («Пышки-лепешки, / Свиные ножки...»), отличаясь поразительной стабильностью (название обрядовых угощений + метафорическое описание процесса их изготовления: «*в печи сидели, на нас глядели*»), извлекает из сюжетного континуума календарно-обрядового фольклора строго определенные содержательные и формальные мотивы и стилистические клише. Она, как правило, соединяется с закличкой праздника, может быть усилена вопросами и повелительными восклицаниями, что влечет за собой включение в ее состав просьб о вознаграждении. Как таковых благопожеланий в такого рода текстах сохранено немного, но достаточно четко прослеживается связь одаривания и богатого урожая, одаривания и возможности иметь здоровое потомство, одаривания и поддержки представителей иного мира, одаривания и уважения окружающих. Встречаются и разнообразные угрозы (увести со двора скотину, разорить жилище и даже погубить самих хозяев). Устойчивой является просьба одарить коньком, в противном случае раздавались угрозы

¹ № фонда. № описи. № текста.

лишить возможности продолжения рода. Органичными для таусеневых песен являются мотивы сокола (петушка), обращения птицы к бабушке, занятой изготовлением ритуальной пищи для гостей. Появляется и некая девица. Уже к ней обращается соколог с просьбой об обрядовом подаянии. Отказы девицы осмысляются исполнителями либо отсутствием времени в связи с подготовкой к свадьбе («*Недосуг подавать: / Пойду шубку шить, / Ожерелье низать...*»), либо в категориях перевернутого мира («*Недосуг подавать: / Я к обедне спешу, / Косырем лапшу крошу, / В решете воду ношу...*»). Зачастую приготовленное для обходчиков угощение утаскивает кошка: «*Поросячьи ножки / лежали на окошке, / Утащили кошки...*»). Упоминаются такие локации, как печь, окно, сени / мост. На временной аспект указывают заличка таусеня, предваряющие текст комментарии исполнителей и отдельные временные привязки типа «Я к обеденке спешу». Любопытно, что многие из перечисленных «странностей» таусеневых песен русских находят объяснение в мордовских песнях-таунсях, дающих довольно полное представление о последовательности действий хозяев и гостей: напоминают первым о необходимости изготовления обрядовой пищи, дают ее перечень, называют главных исполнителей обряда, воспроизводят обстановку иного мира, в форме обрядовых диалогов реализуют идею обмена (гости требуют обрядовой еды и сообщают о будущем (поражающем воображение) урожае и приплоде скота, рождении детей и пр. [12]).

В фольклорной коммуникации, которая, на наш взгляд, наглядно отражает речемыслительные процессы во время исполнения фольклорного текста, роль предтекстов (образы восприятия или предметно-изобразительный код) выполняют своеобразные следы опыта, которые возникают в результате отражения внешней действительности. Это могли быть образы вещей и других предметов, а также тех ситуаций, в которые попадали сами, или о которых знали авторы / исполнители. Психологи показали, что как только мысль переработана в форму натурального языка, то кодовый мыслительный прием может быть забыт. Таким образом, перед автором / исполнителем обрядовых текстов и действий возникают два плана: первый – образ ситуации (стереотипный опыт других или самого автора), второй план – «клише» текста о ситуации. Для представителей национальных культур и языка должны быть известны такие «клише», в которых отразились стереотипное восприятие персонажей и предметный код.

Таким образом, вышеназванные обрядовые феномены (**позлащена / самолена борода и свиные ножки**) маркируют для носителей традиций принадлежность текстов к одному из типов обходов домов (рождественских или новогодних), различающихся как по смыслу, так и по характеру включенных в орбиту их влияния вербальных формул.

Литература

1. Красных В.В. От концепта к тексту и обратно (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1998 С. 5–7.

2. Мельников С.П. Очерк мордвы. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1981. 136 с.
3. Попов Н.С. Погребальный обряд марийцев в XIX – начала XX вв. // Археология и этнография Марийского края. Вып. 5: Материальная и духовная культура марийцев. Йошкар-Ола, 1981. С. 154–174.
4. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.
5. Розов А.Н. Песни русских зимних календарных праздников: Проблемы классификации колядок : дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978. Т. 1–2.
6. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. 143 с.
7. Библиографический указатель материалов фольклорного архива. Вып. 2, ч. 1: Календарные обряды. Горький : Горьковский госуниверситет, 1982. С. 66–71.
8. Новые поступления в фольклорный архив. 1976–1982. Календарные обряды. Горький : Горьковский госуниверситет, 1982. Ч. 1. С. 110–113.
9. Календарные обряды. 1983–1996 / сост. К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет, 1997. 154 с.
10. Ананичева Т.М. Зимние величально-поздравительные песни с обращениями и рефренами «Тausень» и «Коляда» в русских и мордовских пограничных селах // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. Вып. 60: Вопросы типологии. М., 1982. С. 146–157.
11. Фольклорный архив Московского госуниверситета им. М.В. Ломоносова.
12. Поэзия крестьянских праздников / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л. : Сов. писатель, 1970. 636 с. (Библиотека поэта).
13. Фольклорный архив Ульяновского гос. пед. университета им. И.Н. Ульянова.
14. Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / отв. ред. Б.Н. Путилов. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1965. 340 с.
15. Гилярова Н. Новогодние поздравительные песни Рязанской области. М. : Сов. композитор, 1985. 44 с.
16. Неклюдов С.Ю. О мифологических моделях в устной традиции. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm> (дата обращения: 30.04.2017).
17. Золотова Т.А. Таусеневые песни русских Поволжья. Йошкар-Ола : МарГУ, 1987. 206 с.

OBJECT REALITIES AS GENRE INDICATORS OF RITUAL TEXTS IN THE VOLGA REGION (“SAMOLENA/POZLASHCHENA BORODA” AND “SVINYE NOZHKI”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2018. 54. 59–66. DOI: 10.17223/19986645/54/4

Tat'iana A. Zolotova, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation).

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Viacheslav A. Pozdeev, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation).

E-mail: slavapozd@yandex.ru

Keywords: Volga region, text concept, ritual songs, object realities, differentiation.

This article is focused on one of the important components of the “text concept” notion, which is an ethnic component. The authors focus their attention on Russian and Finno-Ugric ritual texts of the Volga region. The winter calendar ritual poetry of these peoples is represented by a series of door-to-door songs. Within the scope of the Christmas cycle (December, 24 – January, 6 by the Old Style), they were usually performed at night before Christmas (Christmas door-to-door rites) and in the so-called Vasily’s evening (*Vasil’ev vecher*) (New Year homestead-to-homestead rites). These songs may be referred to by various terms depending on the geographical region: Russians call them *koliadkas* (Christmas carols) and *tausens*, while the Mordvins name these songs *keliadnyi* and *tavunsiai*, respectively.

Researchers cannot clearly differentiate these two types of songs from each other. And still, the boundary between them can be drawn on the basis of certain object realities used in the ritual practices of the peoples of the Volga region during the aforementioned calendar period. The authors of the article pay attention to the two images often used in *koliadkas* (*keliadnyi*) and *tausens* (*tavunsiai*): the “gilded beard” (*pozlashchena boroda*) and “pig’s knuckles” (*svinye nozhki*). According to them, these images can be correlated with the food code of the door-to-door rites in Christmas and the new year. The “gilded beard” is a pig head cooked in a special way and decorated with birch branches and red threads. The Mordvins served it for Christmas. As for “pig’s knuckles”, a dish of them – the galantine – has become the main ritual New Year food.

The analysis of the text of the ritual songs shows clearly that the image of Kolyada is often characterized by the presence of the “beard” (*golden/gilded/silk/tarred*). The texts of *tausens* songs contain the mentions of the ritual food in the form of “pig’s nuckles” (*crumpets, flatbread / pig’s knuckles / were sitting in the oven / and looking at us*). Of the two types of Russian text – *koliadkas* containing the mentions of the “beard” and *tausens* containing the mentions of “pig’s knuckles” – the latter is the most popular in the Volga region. The most wide-spread type of these songs is treat requests. They demonstrate text-creation connected simultaneously with the archaic mythology and the ritual mythological practices. The above-mentioned formula (“*crumpets, flatbread / pig’s knuckles*”) is characterized by the striking stability (the name of the ritual food + the description of its cooking). It reveals strictly determined semantic and formal motives and stylistic cliches from the plot continuum of the calendar ritual folklore.

The authors come to a conclusion that the above-mentioned phenomena (*golden/tarred beard* and *pig’s knuckles*) mark the texts’ belonging to one of the types of door-to-door rites (Christmas or New Year) differentiating from each other both in the meaning and in the character of the verbal formulae included into their influence area.

References

1. Krasnykh, V.V. (1998) Ot kontsepta k tekstu i obratno (k voprosu o psikholingvistike teksta) [From concept to text and back (to the question of the psycholinguistics of the text)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1. pp. 5–7.
2. Mel'nikov, S.P. (1981) *Ocherk mordvy* [Essay on the Mordovians]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo.
3. Popov, N.S. (1981) Pogrebal'nyy obryad mariytsev v XIX – nachale XX vv. [Burial rite of the Mari in the 19th – early 20th centuries]. *Arkheologiya i etnografiya Mariyskogo kraja*. 5. pp. 154–174.
4. Uspenskiy, B.A. (1982) *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moscow: Moscow State University.
5. Rozov, A.N. (1978) *Pesni russkikh zimnikh kalendarnykh prazdnikov: Problemy klassifikatsii kolyadok* [Songs of Russian winter calendar holidays: Problems of the classification of carols]. Philology Cand. Diss. Vols 1–2. Leningrad.
6. Propp, V.Ya. (1969) *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agrarian holidays]. Leningrad: Leningrad State University.
7. Gorky State University. (1982) *Bibliograficheskiy ukazatel' materialov fol'klornogo arhiva* [Bibliographic index of the materials of the folklore archive]. Is. 2. Pt. I. Gorky: Gorky State University. pp. 66–71.
8. Gorky State University. (1982) *Novye postupleniya v fol'klorny arhiv. 1976–1982. Kalendarnye obryady* [New units for the folklore archive. 1976–1982. Calendar rites]. Pt. I. Gorky: Gorky State University. pp. 110–113.
9. Korepova, K.E. & Shevarenkova, Yu.M. (eds.) (1997) *Kalendarnye obryady. 1983–1996* [Calendar rites. 1983–1996]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.

10. Ananicheva, T.M. (1982) *Zimnie velichal'no-pozdravitel'nye pesni s obrashcheniyami i refrenami "Tausen" i "Kolyada" v russkikh i mordovskikh pogranichnykh selakh* [Winter praising congratulatory songs with addresses and refrains "Tausen" and "Koliada" in Russian and Mordovian border villages]. *Traditsionnoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo i sovremennost'*. 60. pp. 146–157.
11. Folklore archive of Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
12. Zemtsovskiy, I.I. (ed.) (1970) *Poeziya krest'yanskikh prazdnikov* [Poetry of peasant holidays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
13. Folklore archive of Ulyanovsk State Pedagogical University.
14. Putilov, B.N. (ed.) (1965) *Traditsionnye obryady i obryadovyy fol'klor russkikh Povolzh'ya* [Traditional rituals and ritual folklore of the Russians of the Volga region]. Leningrad: Nauka.
15. Gilyarova, N. (1985) *Novogodnie pozdravitel'nye pesni Ryazanskoy oblasti* [New Year's Greeting Songs of Ryazan Oblast]. Moscow: Sov. kompozitor.
16. Neklyudov, S.Yu. (2013) *O mifologicheskikh modelyakh v ustnoy traditsii* [On mythological models in the oral tradition]. [Online] Available from: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm>. (Accessed: 30.04.2017).
17. Zolotova, T.A. (1987) *Tausenevye pesni russkikh Povolzh'ya* [Tausen songs of the Russians of the Volga region]. Yoshkar-Ola: Mari State University.